

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.18>

UDC 930.2
LBC 63.1

Submitted: 31.06.2019
Accepted: 16.02.2020

**SENTENCE ROLE IN THE HISTORICAL DISCOURSE
OF THE “CONCISE RUSSIAN CHURCH HISTORY”
OF METROPOLITAN PLATON (LEVSHIN)**

Nikolay I. Solntsev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with the problem of emergence of analytical conclusions in Russian historical science at the turn of the 19th and 20th centuries. Based on the historiographical analysis of the text of “Concise Russian Church History” of Metropolitan Platon (Levshin) the author makes an attempt to demonstrate that scientific analytics is formed in the historical discourse through authors sentence, the deductive excursus created by the author in the process of making a text and providing the discovery of the pragmatic sense of the narrative. On the basis of the purpose of sentence in general text linguistics, the author makes an assumption that such a sentential generalization finds its way into the historical work of Metropolitan Platon through the orthodox homiletics, making the structure of authors narrative similar in a sense and purpose to a sermon. *Methods.* The research is based on the hermeneutic research method supplemented by the comparative historical and linguistic methods of text research. Applying the historiographical methods results in analyzing the sense and purpose of sentences in the text of historical composition of Metropolitan Platon. *Analysis.* The article describes a number of coincidences of some sentential generalizations suggested by Metropolitan Platon with sentences included in Karamzins “History of Russian State”. In particular, the researcher remarks the meaning coincidences of authors sentences in evaluating Russian paganism as well as in characterizing Russian society shortly before and after the Mongol-Tatar invasion. He emphasizes some differences in using authors sentences in these texts, analyses the reasons of these differences, finds out a place of sentences in every composition. *Results.* Finally, the researcher makes a conclusion that in spite of any differences in using sentential generalizations, in these compositions of Platon and Karamzin they form a summarizing part of their historical discourse as an inherent side of their writing styles in presenting historical material. Such a sentence becomes the first step in the formation of scientific analytics, allowing historians of the early 19th century to rise above information of the source, divide information flows, instill scientific discursivity to the narrative, give conceptual importance to authors conclusions.

Key words: Moscow Metropolitan Platon (Levshin), N.M. Karamzin, Russian historical school of the early 19th century, text hermeneutics, text linguistics, role of sentence in the historical discourse.

Citation. Solntsev N.I. Sentence Role in the Historical Discourse of the “Concise Russian Church History” of Metropolitan Platon (Levshin). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 204-213. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.18>

РОЛЬ СЕНТЕНЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ «КРАТКОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА (ЛЕВШИНА)

Николай Игоревич Солнцев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вопросу возникновения концептуально аналитических обобщений в русской исторической науке рубежа XVIII–XIX веков. На основе историографического анализа текста «Краткой российской церковной истории» митрополита Московского Платона (Левшина) делается попытка показать, что научная аналитика формируется в историческом дискурсе через авторскую сентенцию, морализирующее отступление, формируемое автором в процессе создания текста и позволяющее раскрыть прагматическое направление повествования. Исходя из назначения сентенции в общей лингвистике текста высказывается предположение, что сентенциальные обобщения попадают в историческую работу преемственного историка через православную гомилетику, делая структуру авторского изложения близкой по смыслу и назначению проповеди. В основу исследования положен герменевтический метод исследования, дополненный сравнительно-историческими и лингвистическими приемами исследования текстов. Результатом применения историографических методов становится анализ смысла и назначения сентенций в тексте исторического произведения митрополита Платона. В статье обозначены совпадения некоторых сентенциальных обобщений, высказанных митрополитом Платоном с авторскими сентенциями, вошедшими в «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. Отмечены смысловые совпадения авторских высказываний в оценках русского язычества, а также в характеристике русского общества накануне и после монголо-татарского нашествия. Подчеркнуты различия применения авторских сентенций в текстах названных произведений, дается анализ причин данного явления, выясняется место сентенции в каждом историческом произведении. В заключении делается вывод, что, несмотря на некоторую разницу в использовании сентенциальных обобщений в текстах сочинений указанных авторов, она формирует резюмирующую часть исторического дискурса как неотъемлемую черту авторского стиля в подаче исторического материала. Сентенция становится первым шагом в формировании научной аналитики, позволяющей историкам начала XIX в. подняться над информацией источника, расчленив информационные потоки, придать повествованию научную дискурсивность, сформировать концептуальность авторских выводов.

Ключевые слова: Митрополит московский Платон (Левшин), Н.М. Карамзин, русская историческая наука начала XIX в., герменевтика текста, лингвистика текста, роль сентенции в историческом дискурсе.

Цитирование. Солнцев Н. И. Роль сентенции в историческом дискурсе «Краткой российской церковной истории» митрополита Платона (Левшина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 204–213. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.18>

Введение. Петровские реформы конца XVII – начала XVIII в. радикально меняют облик России. Становление нового национального самосознания, борьба за независимость, дипломатические перипетии века дали толчок развитию исторической мысли этого времени. В работах Г.Ф. Миллера, Г.З. Байера, А.Л. Шлецера впервые разрешаются вопросы исторического источниковедения. Развернутую картину прошлого представляет «История Российская...» В.Н. Татищева. Оттачиваются приемы научной дискуссии в спо-

рах норманистов и антинорманистов, в полемике М.М. Щербатова и И.Н. Болтина ставится вопрос оценки исторического процесса, понимания основ исторического развития.

Несмотря на эти явные успехи, история все еще видится современникам как совокупность деяний исторических лиц, а задачи работы историка зачастую не выходят за рамки фиксации положительных и отрицательных примеров прошлого [14, с. 95; 22, с. 54–55; 23, с. 64–65]. Побудительной основой действия исторической личности становится неизмен-

ная человеческая природа, особенностями которой и объясняются все тяготы исторического процесса. Подобный характер исторических представлений XVIII в. отмечает в своей работе С.Л. Пештич. Он указывает на отсутствие в них «диалектичности и историзма» [14, с. 79]. С этим положением трудно не согласиться, историческая аналитика не нуждалась в обобщениях из-за глубокого провиденциализма представлений, характеризующих исторический процесс [11, с. 136–142]. Несмотря на то что история творится не богом, а людьми, в чем исследователи XVIII столетия были уже единогласны, действуют исторические фигуры все-таки по воле создателя. Это исключало сколь-либо научный анализ исторического события, сводило научное обобщение к минимуму. Недаром видный русский историк церкви митрополит Евгений (Болховитинов), характеризуя задачи историка, замечал, что «сущность истории ... представить бытия и деяния так как они были, и в том порядке как были» [17, с. 529–530].

Окончание XVIII в. с его бурными политическими аккордами зримо поставило перед историками-исследователями задачи разрешения причин исторических событий. Традиционно считается, что первым в русской историографии к выявлению причин исторических событий подходит Н.М. Карамзин. Сформировавшись как личность в XVIII в., он подводит черту под научно-исторической эволюцией этого столетия [22, с. 184–185]. Грядущее XIX столетие ставило совершенно новые задачи перед историком-исследователем. На первый план выходило осмысление исторического процесса через выявление казуальных связей между историческими явлениями. Выявить характер этого осмысления, показать, как и с чего начинает формироваться исторический синтез, и стало целью данной работы, новизна которой выражается в применении некоторых приемов лингвистического изучения текста в историографическом исследовании.

Метод. Статья представляет собой историографическое исследование. Это потребовало применения различных приемов и методов историографического анализа, сочетание которых соответствует принципам научной объективности и историзма. Последние

дали возможность рассматривать объект исследования комплексно с историографической и источниковедческой стороны, а также позволили рассмотреть проблему во взаимосвязи с историческими процессами, проходящими в России. В основу исследования положен герменевтический метод, дополненный сравнительно-историческими и лингвистическими приемами исследования текстов. Таким образом, результат работы стал следствием применения как общенаучных, так и собственно исторических методов исследования, использованных в диалектическом единстве.

Анализ. По меткому определению А.С. Пушкина, Карамзин становится «последним летописцем» предшествующих эпох. «Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и аповтегмами хронике» [19, с. 40], – замечает поэт. За этой красивой фразой скрывается удивительно точное наблюдение: именно апофегмы Карамзина при всей их простоте ложатся в основу исторического анализа причинно-следственных связей русской истории, многие из которых так или иначе дожили до нашего времени.

Впрочем, приоритет Н.М. Карамзина в подобном выстраивании исторического дискурса следует оспорить. В 1805 г. в Москве, в Синодальной типографии в свет выходит «Краткая церковная российская история», принадлежащая перу митрополита Московского Платона (Левшина).

Митрополит Платон являл собой знаковую фигуру как в светской, так и в церковной истории России. Законоучитель цесаревича Павла Петровича, образованнейший человек своего времени, богослов и церковный историк, реформатор духовного образования в России, царедворец и церковный иерарх, он оставляет потомкам значительное литературное наследие, состоящее из богословских и церковно-исторических трудов, проповедей, путевых заметок и обширной переписки [29, с. 406]. Не удивительно, что его личность привлекла к себе внимание многочисленных исследователей [1; 2; 4; 6; 11; 12; 19; 20; 21; 24; 25, с. 3–108; 26, с. 211–230; 27; 30].

Написанная им «Краткая российская церковная история» открыла ряд подобных произведений, публикациями которых по праву гордится XIX столетие. Работа вызвала

живой интерес читающей публики и широко обсуждалась. Как часто бывает, современники не смогли дать однозначной оценки произведению. «Не история, а летопись в коей на единое лыко летоисчисления без порядка низаны бытия как будто вместе и калачи, и сайки, и бублики», – отозвался о работе Платона его современник и творческий конкурент, тогда еще викарный епископ Старорусский Евгений (Болховитинов) [17, с. 438]. Потомки были более благосклонны к работе. Профессор Казанской духовной академии, историк П.В. Знаменский считал труд митрополита «редким по талантливости, полным обилием фактов, метких замечаний и серьезной критики» произведением [5, с. 105]. Естественно, работу нельзя было назвать безгрешной, она несла в себе все недостатки, присущие историческим произведениям XVIII столетия: летописную повествовательность, отсутствие периодизации и бессистемное деление на главы, несмотря на это, имела, как впоследствии отметил А.В. Карташев, «дар исторического прозрения, способность схватывать причинный смысл давно минувших событий» [9, с. 16]. Именно эта причинность, наличие в тексте подобных заключений, и делает «Краткую историю российской церкви» митрополита Платона столь значимым историческим произведением и ставит ее в один ряд с многолетним трудом Н.М. Карамзина, не только по стилю, но и по содержанию. Собственно, Платон, а не Карамзин первым прибегает к нравоучительному отступлению, как к объяснительной части повествования, которые можно определить, как апофегму или сентенцию.

Известный отечественный лингвист, специалист в области стилистики языка и лингвистики текста И.Р. Гальперин характеризует сентенцию как «такие предложения внутри высказывания, которые прерывая последовательность изложения фактов, событий, описаний представляют собой некоторые обобщения, лишь косвенно (иногда довольно отдаленно) связанные с этими фактами, событиями, описаниями» [3, с. 99]. А.П. Квятковский указывает на возможность автора через сентенцию «в открытой форме высказать свои суждения по различным вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к центральной теме» [10, с. 145]. Кроме того, сентенция,

вводясь в ритм изложения, дробит события, приостанавливает ритм развития повествования, способствует более глубокому осмыслению описанного, поднимая представленные факты до ступени обобщения. Характерно, что именно сентенции Платона в первую очередь привлекают внимание читателя в его произведении. Именно на сюжеты, содержащие сентенциальные авторские обобщения и умозаключения, обращает внимание А.В. Карташев, давая весьма обстоятельный обзор «Краткой российской церковной истории» в своем историографическом очерке [9, с. 15–16]. Не все выделенные Карташевым сюжеты обладают одинаковой сентенциальностью, однако факт их наличия говорит о зримом шаге вперед в формировании исторической аналитики через выстраивание логического перехода от частного исторического факта к его осмыслению в кратком обобщении. Так, сообщая читателю под 1227 г. о казни волхвов и ведунов в Новгороде, Платон морализирует, осуждая жителей города: «Ибо нередко от одного непросвещения и невежества, а иногда и от злобы, люди неповинные пострадали, или больше наказаны, нежели вина их заслуживала» [15, с. 117]. В другом месте он пытается дать оценку психологии предков: «Ибо таковой готовый во всем достаток, а инде и изобилие, уменьшили труд и ввели праздность, а от того расслабление душевное и телесное» [15, с. 62]. Иногда сентенция поднимается до уровня логического обобщения. Говоря о замене старых церковных книг на новые в реформенное время, Платон замечает: «А надлежало было объяснив все причины исправления книг, и представив пред очи видимые ошибки, так же оговорив, что и в старых книгах ничего церкви противного не заключается, а только находятся некоторые от переписчиков ошибки и от переводчиков неисправности» [16, с. 235]. Подобного рода обобщения достаточно широко встречаются в тексте и напрямую из логики описываемых событий не вытекают. До уровня таких понятий, как научная аналитика, исторический синтез, умозаключения Платона пока не вырастают, это и дает возможность определить их как авторскую сентенцию.

Подобный прием выстраивания текста, примененный митрополитом Платоном, вряд

ли можно назвать случайным. Как проповедник Платон проявил себя уже в пору преподавания в Московской духовной академии [24, с. 30]. Еще до окончания академического курса в 1757 г. по представлению ректора академии епископа Геннадия он был назначен преподавать в академии латинский язык и российскую поэзию, при этом на него была возложена еще и обязанность катехизатора. За год пребывания в этой должности Платон сумел снискать себе славу хорошего проповедника, «способного говорить публично, при собрании людей всякого состояния» [13, с. 5]. Характерной чертой его гомилетики был дух классического рационализма. Как отмечает В.П. Зубов, Платон рассуждает «с математической последовательностью, словно доказывая теорему» [6, с. 86]. Подобный принцип ляжет в основу фактического изложения его церковной истории. Однако подводя итог исторического сюжета он, совсем в стиле XVIII в., переходит к чувственному осмыслению события и морализаторству. Это и порождает сентенцию, через которую Платон пытается подвести читателя к правильному осознанию завершенной части повествования, сократить ненужные размышления, оставить читателя с яркой трактовкой исторического события. Подобное чувственное осмысление всегда приветствовалось в проповеди, так как именно это отличало ее в построении изложения от светской ораторской речи [18, с. 161]. Вместе со вступлением оно являлось своеобразным обрамлением проповеди, несло важную логико-психологическую нагрузку – служило завершением выступления проповедника [28, с. 109].

Достаточно много авторских обобщений, выраженных через сентенцию, присутствует в начале повествования, когда речь идет о временах, получивших в древнерусских источниках весьма скупое описание. Последнее заставляло автора дополнять отсутствующую информацию собственным утверждением, которое формировало тезис, сравнивать его с информацией источника, создавая антитезис, однако далее, следуя логике XVIII столетия, переходить не к синтезу, а к демонстрации противоречия между первым и вторым посылами. Это и порождало сентенцию как примитивную форму синтеза, в задачу которой

входило примирение этих противоположных положений.

Так, например, описывая религиозное состояние древнерусского общества до крещения, Платон отмечает: «Россия, как и все страны вселенные, находилась во тьме идолослужения, доколе не воссиял спасительный свет Евангелия, и не разогнал сей глубокий мрак и погибельный» [15, с. 1]. Тем самым формируется тезис, который тут же подвергается опрокидыванию. «В чем именно состояло идолопоклонство, то есть, какие существенные служения того были догматы, какие обряды, какие жертвы, какие боги, и какое каждому мнимому богу приписываемо было, прямое свойство или сила ... в точности определить трудно или невозможно» [15, с. 1]. Указанное столкновение дает возможность показать всю скудность информации источников, противоречивость указаний на языческое прошлое и пантеон богов, и через это усомниться в глубине первоначального языческого падения русского народа. Но так как представить полный религиозный вакуум данной эпохи и отсутствие каких-либо божеств было просто невозможно, Платон в качестве итога рассуждения формулирует сентенцию: «Человек по развращенной своей природе, и по многим порокам своим и беззакониям, всегда чувствовал в совести виновным перед Богом и заслуживающим Его гнев. Поэтому при всяком случае, особливо страшного явления в природе, боялся и трепетал, и ожидал за свои вины поражения мстительной Вышнего руки» [15, с. 5]. Сентенция как бы предполагала вывод, что религиозность присуща людям, без веры в бога общество существовать не может, поэтому идолопоклонство не порок, а незнание истинного бога.

Характерно, что, обращаясь к аналогичному эпизоду своей «Истории государства Российского», Н.М. Карамзин, не по букве, но по смыслу воспроизводит сентенцию Платона. «Грубый ум людей непросвещенных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснить действие Природы и в неизвестностях рока успокаивает сердце надеждою на высшую помощь!» [7, с. 106]. Однако, воспроизводя смысл сентенции, Карамзин теряет в своем произведении ее назначение.

Смысл назидания Платона, изложенный в данном рассуждении, сводится к следующему: славяне были язычниками, достоверных данных о характере славянского язычества мы не имеем, но без бога человек существовать не может, следовательно принятие истинного бога было неизбежным делом ближайшего времени. Ничтожность языческой религии подчеркивается отсутствием ее описаний, если их нет, а Платон акцентирует в своих рассуждениях этот тезис, значит они были настолько неважны для людей, что не оставили следа ни в источниках, ни в народной памяти.

В «Истории...» Н.И. Карамзина сентенция имеет иную функцию. Она либо открывает повествование, играя роль предисловия, своеобразной пресуппозиции, либо становится стилистической уловкой, разрывающей текст и позволяющей автору дозировать весьма обширную информацию. Во втором случае это было просто необходимо, так как фактический материал, изложенный Карамзиным, явно превосходит сказанное преосвященным историком. В остальном же схема построения изложения явно тяготеет к выкладкам Платона. Смысл экскурса в древнерусское язычество и у Карамзина, и у Платона сводится к констатации факта, что все язычники в конечном итоге самой судьбой своей обречены увидеть свет истинной веры. Но если Платон, как и положено проповеднику, ставит данное положение в заключение своих размышлений, то Карамзин начинает свое повествование с данного тезиса: «Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, ... рождает не только законы и правление, но и саму Веру столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в истории не находим народа, совершенно лишённого понятия о Божестве» [7, с. 92].

Схожи не только общие выводы, одинакова и структура подачи материала, авторы приводят описания богов, рассматривают назначение языческих идолов, дают оценку жреческому сословию. Однако, если для Платона важно показать исключительность древнерусского этноса (отсюда и констатация отсутствия храмов и жрецов у славян), это должно

было доказать, что восточные славяне никогда не погружались в пучину язычества и, следовательно, самим богом были уготованы для христианства, то Карамзин в большей степени озабочен демонстрацией восточнославянского язычества как части общих для всех народов Европы религиозных норм. В этом он явно следует традиции XVIII в., произведениям В.Н. Татищева и М.М. Щербатова, перечисляя древнерусских богов в одном ряду с греческими, римскими и германскими. Таким образом, сентенции Платона по поводу древнерусского язычества порождают своеобразную концептуальность, которой он будет придерживаться во всем своем повествовании. Н.М. Карамзин же в своем экскурсе подобной задачи не ставит, сентенция позволяет автору подняться над информацией источника, придать повествованию дискурсивность.

Несмотря на эту разницу, сентенция как резюмирующая часть исторического дискурса является неотъемлемой составляющей изложения как у Платона, так и у Карамзина. Кроме того, многие оценочные суждения авторов по смыслу странным образом совпадают. Так, давая оценку древнерусскому обществу во времена, предшествующие Батыеву нашествию, Платон восклицает: «Ежлиб между российскими князьями всегда было согласие, или паче ежлиб единому вое подвластны были: не только Татары, но и сколько ни было народов, Россию победить, или себе покорить никак бы не возмogli» [15, с. 125]. Ему практически теми же словами вторит Карамзин: «Наконец скажем, что если бы Россия была единоподержавным Государством ... то она не уступила бы в могуществе никакой Державе сего времени; спаслась бы вероятно и от ига Татарского...» [8, с. 225]. «Еще удивляться надобно, и благодарить милосердие Вышнего, что не сделалась Россия совершенно пустынею» [15, с. 124], – констатирует Платон. «Одному собственно счастью надлежит приписать то, что Россия в течении двух веков не утратила своей народной независимости» [8, с. 199], – резюмирует Карамзин.

Кроме смыслового совпадения приведенных цитат, существует и общая схожесть авторского изложения материала, выражающаяся в глубокой назидательности сочинения. Проследить истоки подобного стиля у Пла-

тона достаточно просто, историческое сочинение для него – форма проповеди, назидания со всеми присущими этому аспектами. «Не остается мне более, как желать, и молить Бога, чтобы сия издаваемая мною история послужила к пользе и наставлению юношества...» [15, с. X]. Отсюда и краткость в изложении событий, отраженных в небольших по объему главах, отсюда и наставительность предложений, выступающих в роли вывода или заключения, объясняющего общий смысл изложенных фактов. Предложение становится для него своеобразным аналитическим послесловием, определяющим отношение автора к историческому событию, формирующим авторскую концептуализацию, которую он пытается привить его читателю в качестве наилучшего объяснения событий каждого конкретного исторического эпизода. У Карамзина, который «искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить с системой, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей...» [7, с. XX], предложение является в большей степени морализирующим отступлением в процессе формирования текста, позволяющим раскрыть прагматическое направление повествования. Концептуализация в столь масштабном историческом произведении не выражена так ярко, поэтому предложение для Карамзина выступает как некий набор когнитивных признаков, позволяющий пополнить информацией описываемый исторический процесс, раскрыть авторское отношение к конкретному сюжету повествования. Она придает изложению контекстуальность, сообщая смысл каждому последующему историческому эпизоду. Как следствие, Платон пытается наставлять и убеждать, Карамзин – наставлять и констатировать, однако и в том, и в другом случае предложение становится для авторов инструментом концептуализации исторической информации в своих произведениях.

Естественно возникает вопрос о возможном влиянии «Краткой истории российской церкви» митрополита Платона на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. Несмотря на то, что произведение Платона увидело свет раньше, чем вышли первые

тома «Истории государства Российского», однозначно ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно. Работа митрополита Платона по выходу своему в тираж пользовалась известностью и широко обсуждалась в читающем обществе. Тем не менее, открывая свое произведение, Карамзин не упоминает опубликованных работ своих предшественников, перечисляя во введении только лишь источник материал. Трудно предположить, что Карамзин прошел мимо этого значимого произведения, впрочем, как и мимо работ В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, И.В. Нехачина, о которых он не упоминает во введении к своей «Истории...». Вне всякого сомнения, они были ему знакомы. Как следствие, предположение о смысловой связи двух произведений весьма возможно, хотя бы потому, что именно в произведениях Платона и Карамзина впервые подвергается сколь-либо обстоятельной оценке русское язычество, даются меткие характеристики общественным нравам, появляется авторская оценка исторического события, близкая по смыслу к исторической аналитике.

Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и некоторое иное родство двух произведений в смысловой и констатирующей их части. Как заметил Н.Я. Эйдельман, конец XVIII в. создал русский язык, а начало XIX – русского читателя [31, с. 49]. Выпестованные прошедшим XVIII в., оба автора оказались на высоте исканий начала XIX века. Их стиль был созвучен эпохе, в которой предложение проповеди сформировала прообраз исторического синтеза, ставшего неотъемлемой частью исторического дискурса, а это разительно отличало труды этих историков от трудов предшественников и создавало совершенно новый стиль исторического повествования, где появился автор, пытающийся публично рассуждать, делать обобщения и выводы, строить диалог с читателем.

Результаты. Таким образом, можно с высокой долей уверенности утверждать, что на рубеже XVIII–XIX вв. русская историческая наука вплотную подходит к формированию концептуально-аналитических обобщений, первоначально приобретающих в работах митрополита Платона (Левшина) и Н.М. Карамзина форму предложения в виде морализирую-

шего отступления. Несмотря на некоторую разницу в использовании сентенциальных обобщений в текстах сочинений указанных авторов, она формирует резюмирующую часть исторического дискурса как неотъемлемую черту авторского стиля в подаче исторического материала. Сентенция становится первым шагом в формировании научной аналитики, позволяющей историкам начала XIX в. подняться над информацией источника, расчленив информационные потоки, придать повествованию научную дискурсивность, сформировать концептуальность авторских выводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В. В. Платон и Филарет, митрополиты Московские: сравнительная характеристика / В. В. Виноградов // Богословский вестник. – 1913. – № 1. – С. 10–34.
2. Виноградов, В. В. Платон и Филарет, митрополиты Московские: сравнительная характеристика / В. В. Виноградов // Богословский вестник. – 1913. – № 2. – С. 311–347.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
4. Глазева, А. С. Московский митрополит Платон (Левшин) (1737–1812) и его церковно-государственная деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Глазева Алла Сергеевна. – Воронеж, 2014. – 22 с.
5. Знаменский, П. В. Чтения по истории Русской Церкви за время царствования Екатерины II / П. В. Знаменский // Православный собеседник. – 1875. – № 2. – 248 с.
6. Зубов, В. П. Русские проповедники : очерки по истории русской проповеди / В. П. Зубов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
7. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб. : Изд-во Н. Греча, 1818. – Т. I. – 157 с.
8. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин – СПб. : Изд-во Н. Греча, 1818. – Т. III. – 223 с.
9. Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташев. – М. : Терра, 1993. – Т. I. – 987 с.
10. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
11. Косминский, Е. А. Историография средних веков / Е. А. Косминский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 430 с.
12. Лысогорский, Н. В. Московский митрополит Платон как противораскольничий деятель / Н. В. Лысогорский. – Ростов н/Д : Электро-печатъ А.И. Тер-Абрамиан, 1905. – 656 с.
13. Надеждин, А. А. Митрополит Московский Платон (Левшин) как проповедник / А. А. Надеждин – Казань : Изд-во императ. ун-та, 1882. – 226 с.
14. Пештич, С. Л. Русская историография XVIII века / С. Л. Пештич. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – 344 с.
15. Платон (Левшин), митрополит Московский. Краткая церковная российская история / Платон (Левшин). – М. : Синодальная типография, 1805. – Т. I. – 389 с.
16. Платон (Левшин), митрополит Московский. Краткая церковная российская история / Платон (Левшин). – М. : Синодальная типография, 1805. – Т. II. – 356 с.
17. Полетаев, Н. Труды митрополита Киевского Евгения Болховитинова по истории русской церкви / Н. Полетаев. – Казань : Типография Императорского университета, 1889. – 593 с.
18. Поторжинский, М. прот. История русской церковной проповеди в биографиях и образцах / М. Поторжинский. – Киев : Изд-во Р.К. Лубковского, 1901. – 678 с.
19. Пушкин, А. С. «История русского народа» Н.А. Полевого. Статья I / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. Критика. История. Публицистика. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1934. – 546 с.
20. Розанов, Н. П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода 1721–1821 года / Н. П. Розанов. – М. : Синодальная типография, 1870. – Ч. III. – 281 с.
21. Розанов, Н. П. Московский митрополит Платон (1737–1812) / Н. П. Розанов. – М. : Синодальная типография, 1913. – 90 с.
22. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. – М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. – 659 с.
23. Сахаров, А. М. Историография истории СССР : метод. указания / А. М. Сахаров. – М. : Высшая школа, 1978. – 256 с.
24. Смолич, И. К. История русской церкви (1700–1917) / И. К. Смолич. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Ч. 2. – 799 с.
25. Снегирев, И. М. Жизнь Московского митрополита Платона : в 2 ч. Ч. 2 / И. М. Снегирев – М. : Типография Ведомства Московской городской полиции, 1856. – 313 с.
26. Стенник, Ю. В. Исторические воззрения митрополита Платона (Левшина) в книге «Краткая церковная российская история» / Ю. В. Стенник // XVIII век : сб. ст. № 23. – СПб. : Наука, 2004. – 430 [1] с.

27. Титлинов, Б. В. Московский митрополит Платон (Левшин) и его участие в церковно-правительственной деятельности своего времени / Б. В. Титлинов // Христианское чтение. – 1912. – № 11. – С. 1199–1260.

28. Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокий. Гомилетика (теория церковной проповеди) / Феодосий. – Сергиев Посад : Московская духовная академия, 1999. – 326 с.

29. Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы. 862–1863 гг. / Филарет (Гумилевский) – СПб. : Изд-во И.Л. Тузова, 1884. – 511 с.

30. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Вильнюс : Вильтис, 1991. – 602 с.

31. Эйдельман, Н. Я. Последний летописец / Н. Я. Эйдельман. – М. : Книга, 1983. – 176 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. Platon i Filaret, mitropolity Moskovskie: sravnitel'naya kharakteristika [Platon and Filaret, Moscow Metropolitans: Comparative Characteristic]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1913, no. 1, pp. 10-34.

2. Vinogradov V.V. Platon i Filaret, mitropolity Moskovskie: sravnitel'naya kharakteristika [Platon and Filaret, Moscow Metropolitans: Comparative Characteristic]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1913, no. 2, pp. 311-347.

3. Galperin I.R. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.

4. Glazeva A.S. *Moskovskiy mitropolit Platon (Levshin) (1737–1812) i ego tserkovno-gosudarstvennaya deyatelnost: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Moscow Metropolitan Platon (Levshin) and His Church-State Activities. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Voronezh, 2014. 22 p.

5. Znamenskiy P.V. *Chteniya po istorii Russkoy Tserkvi za vremena tsarstvovaniya Ekateriny II* [Readings on the History of the Russian Church During the Reign of Catherine the II]. *Pravoslavnyy sobesednik*, 1875, no. 2. 248 p.

6. Zubov V.P. *Russkie propovedniki: ocherki po istorii russkoy propovedi* [Russian Preachers. Essays on the History of Russian Sermon]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 232 p.

7. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Saint Petersburg, Izd-vo N. Grecha, 1818, vol. 1. 157 p.

8. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Saint Petersburg, Izd-vo N. Grecha, 1818, vol. 3. 223 p.

9. Kartashev A.V. *Ocherki po istorii russkoy tserkvi* [Essays on the History of the Russian Church]. Moscow, Terra Publ., 1993, vol. 1. 987 p.

10. Kvyatkovskiy A.P. *Poeticheskiy slovar* [Poetic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 376 p.

11. Kosminskiy E.A. *Istoriografiya srednikh vekov* [Historiography of the Middle Ages]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1963. 430 p.

12. Lysogorskiy N.V. *Moskovskiy mitropolit Platon kak protivoraskolnichiy deyatel* [Moscow Metropolitan Platon as an Anti-Schism Figure]. Rostov-on-Don, Elektro-pechat A.I. Ter-Abramian, 1905. 656 p.

13. Nadezhdin A.A. *Mitropolit Moskovskiy Platon (Levshin) kak propovednik* [Moscow Metropolitan Platon as a Preacher]. Kazan, Izd-vo Imperatorskogo universiteta, 1882. 226 p.

14. Peshtich S.L. *Russkaya istoriografiya XVIII veka* [Russian Historiography of the 18th Century]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1961. 344 p.

15. Platon (Levshin), Moscow Metropolitan. *Kratkaya tserkovnaya rossiyskaya istoriya* [Concise Church Russian History]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1805, vol. 1. 389 p.

16. Platon (Levshin), Moscow Metropolitan. *Kratkaya tserkovnaya rossiyskaya istoriya* [Concise Church Russian History]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1805, vol. 2. 356 p.

17. Poletaev N. *Trudy mitropolita Kievskogo Evgeniya Bolkhovitinova po istorii russkoy tserkvi* [Works of Kiev Metropolitan Evgeny Bolkhovitinov on the History of the Russian Church]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1889. 593 p.

18. Potorzinskiy M. *Istoriya russkoy tserkovnoy propovedi v biografiyakh i obraztsakh* [The History of Russian Church Preaching in Biographies and Samples]. Kiev, Izd-vo R.K. Lubkovskogo, 1901. 678 p.

19. Pushkin A.S. «Istoriya russkogo naroda» N.A. Polevogo. Statya I [“The History of the Russian People” of N.A. Polevogo. Article I]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 6 t. T. 5. Kritika. Istoriya. Publitsistika* [Complete Works. In 6 Vols. Vol. 5. Criticism. History. Publicism]. Moscow, Leningrad, GIKhL Publ., 1934. 546 p.

20. Rozanov N.P. *Istoriya Moskovskogo eparkhialnogo upravleniya so vremeni uchrezhdeniya Sv. Sinoda 1721–1821 goda* [History of the Moscow Eparchial Administration Since the Establishment of the Holy Synod 1721–1821]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1870, part 3. 281 p.

21. Rozanov N.P. *Moskovskiy mitropolit Platon (1737–1812)* [Moscow Metropolitan Platon (1737–1812)]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1913. 90 p.

22. Rubinshtein N.L. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow, OGIZ. Gospolitizdat, 1941. 659 p.

23. Sakharov A.M. *Istoriografiya istorii SSSR: metod. ukazaniya* [Historiography of the History of the USSR: Methodical Instructions]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 256 p.

24. Smolich I.K. *Istoriya russkoy tserkvi (1700–1917)* [History of Russian Church (1700–1917)]. Moscow, Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1997, part. 2. 799 p.

25. Snegirev I.M. *Zhizn Moskovskogo mitropolita Platona: v 2 ch. Ch. 2* [Life of Moscow Metropolitan Platon. In 2 Parts. Part 2]. Moscow, Tipografiya Vedomstva Moskovskoy gorodskoy politsii, 1856. 313 p.

26. Stennik Yu.V. *Istoricheskie vozzreniya mitropolita Platona (Levshina): v knige «Kratkaya tserkovnaya rossiyskaya istoriya»* [Historical Views of Metropolitan Platon (Levshin): In the Book “Brief Church Russian History”]. *XVIII vek: sb. st. № 23* [18th Century. Collected Articles. No. 23]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004. 430[1] p.

27. Titlinov B.V. *Moskovskiy mitropolit Platon (Levshin) i ego uchastie v tserkovno-pravitelstvennoy deyatelnosti svoego vremeni* [Moscow Metropolitan Platon (Levshin) and His Participation in the Church and Government Activities of His Time]. *Khristianskoe chtenie*, 1912, no. 11, pp. 1199-1260.

28. Feodosiy, Bishop of Polotsk i Glubokoe. *Gomiletika (teoriya tserkovnoy propovedi)* [Homiletics (Church Sermon Theory)]. Sergiev Posad, Moskovskaya dukhovnaya akademiya Publ., 1999. 326 p.

29. Filaret (Gumilevskiy), Archbishop of Chernigov. *Obzor russkoy dukhovnoy literatury. 862–1863 gg.* [Review of Russian Spiritual Literature. 862–1863]. Saint Petersburg, Izd-vo I.L. Tuzova, 1884. 511 p.

30. Florovskiy G.V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Vilnius, Viltis Publ., 1991. 602 p.

31. Eydelman N.Ya. *Posledniy letopisets* [The Last Chronicler]. Moscow, Kniga Publ., 1983. 176 p.

Information About the Author

Nikolay I. Solntsev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation, sochin3@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0001-1071>

Информация об авторе

Николай Игоревич Солнцев, доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, sochin3@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0001-1071>